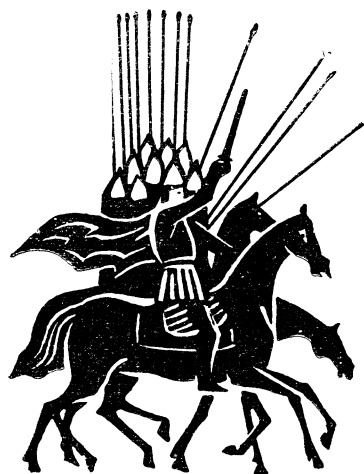

Ю. ВРОНСКИЙ

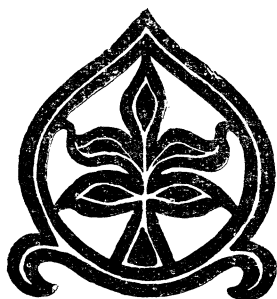
БЕЛГОРОДСКИЕ КОЛОДЦЫ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
«ДЕТСКАЯ
ЛИТЕРАТУРА»

P2
B82

ИЗДАНИЕ ВТОРОЕ

Рисунки
АЛЕКСЕЯ ШМАРНОВА

В $\frac{0762-556}{101(03)73}$ 442—73

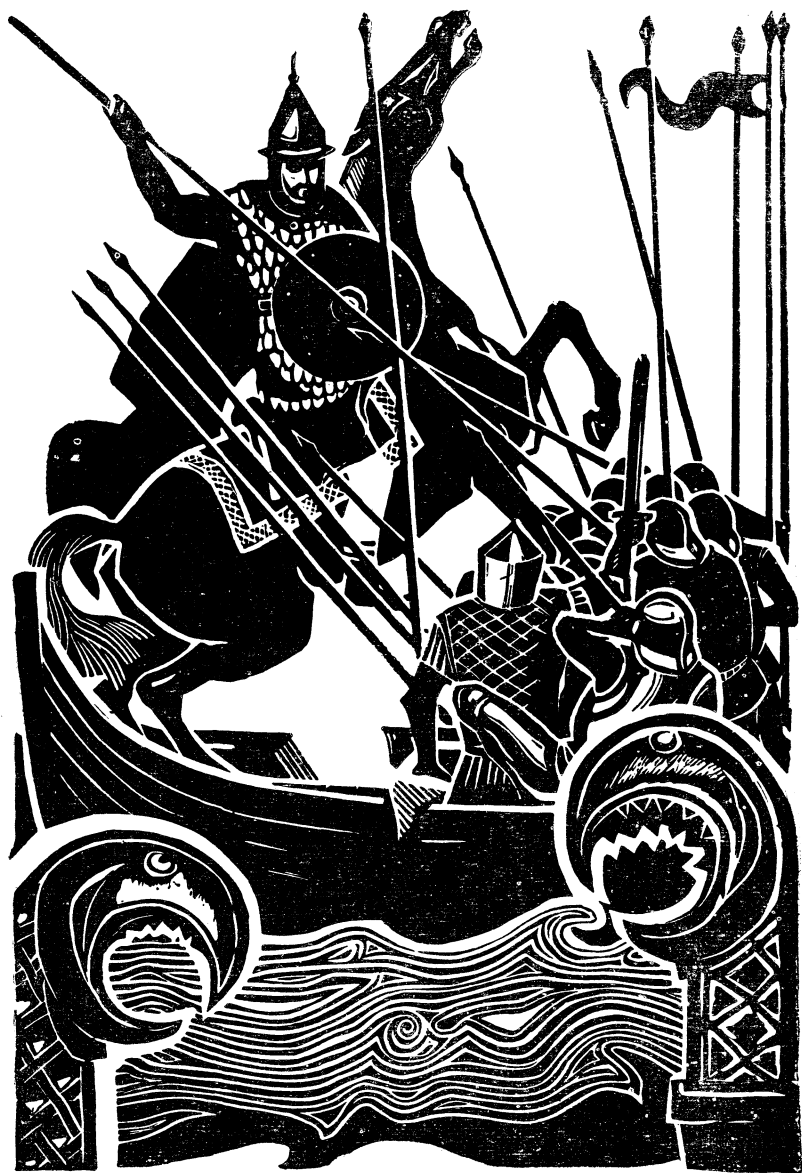
© Иллюстрации, издательство «ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА», 1973 г.

Ю. ВРОНСКИЙ
БЕЛГОРОДСКИЕ
КОЛОДЦЫ

исторические
БАЛЛАДЫ

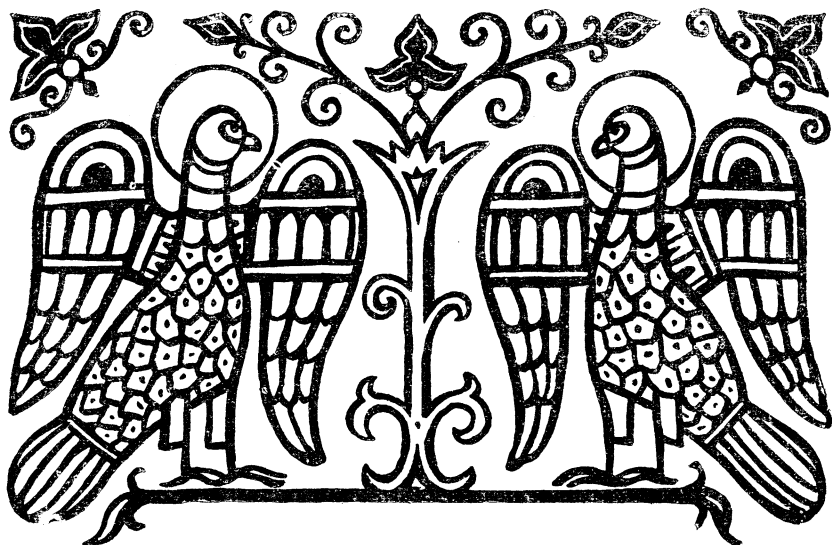
Москва
«ДЕТСКАЯ ЛИТЕРАТУРА»
1973

XIV ВЕК

МАГНУС
ЭРИКСОН,
КОРОЛЬ СВЕЕВ
И МУРМАНОВ

СЕВЕРНОЕ ПРЕДАНИЕ

Сколько раз пришельцы побывали
На Руси с мечом или с крестом,
Столько раз пришельцев побивали,
И пришельцы каялись потом.

Каждое старинное преданье —
Людям назиданье и урок.
К сожалению, эти назиданья
И уроки королям не впрок...

В НОВГОРОДЕ

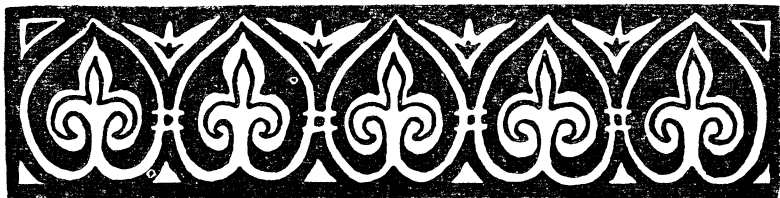
Новгородцы, идучи к обедне,
Млеют от весеннего тепла.
Ишь как солнце светит! А намедни
Прятала его сырая мгла.

Встретит у крыльца сосед соседа:
— Как идёт торговля? Как улов? —
И течёт спокойная беседа
Под нестройный звон колоколов.

Слава богу, поутихли войны,
Хорошо бы этак жить и впредь.
Что за благодать, когда спокойна
Вечевого колокола медь!

МАГНУС ПОСЫЛАЕТ В НОВГОРОД ПОСЛОВ

А в стране закатов и туманов,
Сев на раззолоченный престол,
Повелитель свеев и мурманов
Разговор с дружиною завёл.

— В Новгороде вечно беспорядок,
Гонят неугодных им князей...
Житель новгородский больно падок
До свободы и иных затей!

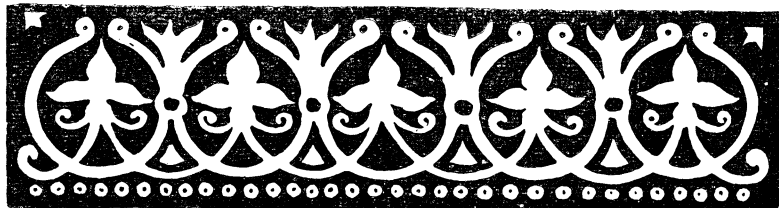
Пробовали прадеды бороться,
Чтоб у них порядок навести,
Да упрямы эти новгородцы,
Видно, беспорядок там в чести.

Но готов я с этим примириться —
Разве сладишь с глупостью людской! —
Если бы они, как говорится,
Не были заблудшею овцой.

Мы полны смиренья. Мы не ропщем.
Русские нам братья. Но притом,
Несомненно, римский папа общим,
Их и нашим, должен быть отцом.

Мы им скажем: пусть над их народом
Простирает Рим святую длань!
А не захотят — пойдём походом
И заставим их платить нам дань!

Раздались восторженные клики,
А король встаёт без дальних слов
И велит, чтоб в Новгород Великий
Тотчас же отправили послов.

НОВГОРОДСКОЕ ВЕЧЕ

Накануне прибыло посольство...
Ночь пришла, а людям не до сна.
Неужели мира и довольства
Кончились отныне времена?..

Рассвело. Под окнами, как нищий,
Рыщет ветер, серый и сырой.
А на Ярославовом дворище
Колокол проснулся вечевой.

Нынче все, под стать погоде, хмуры —
Каменщики, бондари, купцы,
Медники, портные, винокуры,
Плотники, бояре, кузнецы.

Как ручьи, текут они, и вскоре
Заполняет площадь шум и гам.
Площадь, как взволнованное море,
И как остров, Параскевы храм.

А погода с каждым часом круче —
В свейском родилась она краю.
Ветер гонит от заката тучи
Чёрные, подобно воронью.

Гул и ропот что волна морская:
Пробежит по скопищу людей,
Прошумит от края и до края —
Глядь, идёт волна ещё шумней.

То с помоста произносят речи,
То ревут, как буря, всей толпой.
Наконец постановляет вече
Королю послать ответ такой:

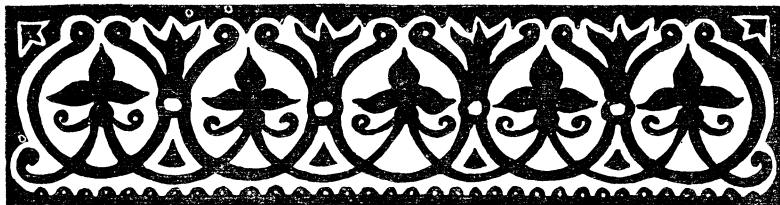
«Славный Магнус, повелитель свеев,
И мурманов, и иных племён!
Ты зовёшь вражду навек развевать,
И за то земной тебе поклон.

По́ сердцу нам дружеское слово,
Каждый житель новгородский рад
В мире жить, не поминая злого,
Если ты нам и взаправду брат.

Вот давай на том и помиримся.
Только нам, пожалуй, ни к чему
Принимать к себе монахов римских —
Лучше нам в свой край пустить чуму...»

МАГНУС ОТПРАВЛЯЕТСЯ В КРЕСТОВЫЙ ПОХОД

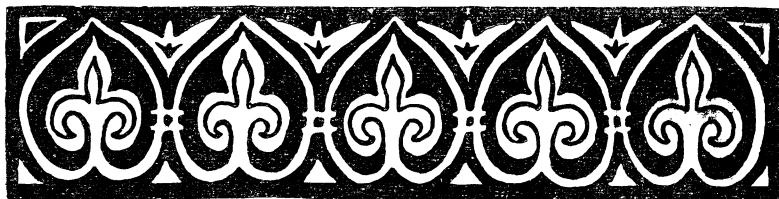
Свеи для крестового похода
Строят флот и собирают рать.
Грозный Магнус, не пройдёт и года,
Новгородцев двинется карать.

«Не хотят, упрямые, единства,
Им любовь и братство нипочём!
Им чумою кажется латинство!..
Что ж, тогда окрестим их мечом!»

Вот зима лютует, а за нею,
Взламывая лёд, весна идёт.
Дни длиннее, рощи зеленее.
Магнус отправляется в поход.

Блещет синевою даль морская,
Блещут синевою небеса.
Словно птиц диковинная стая,
Плещут над ладьями паруса.

Нет числа им. Гордо и счастливо
Вспенивают кили синеву.
Наконец, из Финского залива
Свейские ладьи вошли в Неву.

Рады sweи приближенью боя —
Весело мечом рубить сплеча!
Правая ладонь сама собою
Нежно гладит рукоять меча.

Ладога отсюда недалёко,
А уж Волхов там — рукой подать!
Только ветер с северо-востока,
Как нарочно, начал задувать.

Разыгралось бурное ненастье,
Стонут снасти, словно говорят:
«Воротитесь, всех вас ждёт несчастье!
Уплывайте, воины, назад!»

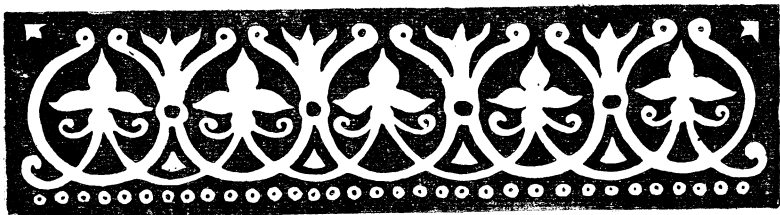
Вот ещё неожиданная преграда —
Третий день не двинутся вперёд!
Сердце короля грызёт досада,
Беспокойство воинов растёт.

Зол король, но шутики шутит с ними:
— Слушай, кто от бури не оглох!
Молится за сеев папа в Риме,
Так что нос не вешать! С нами бог!

Скоро еретические орды
В истинную веру приведём
И в родные голубые фьорды
Славу и добычу привезём!

Наконец переменился ветер,
Снова дети северной земли
Взвили паруса и в тот же вечер
В Ладожское озеро вошли.

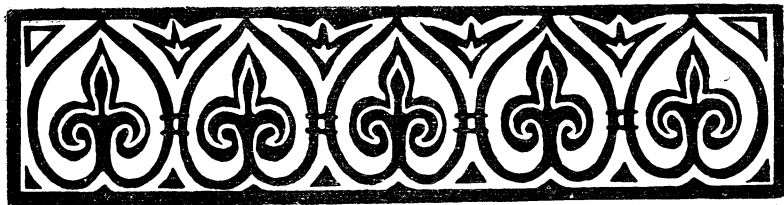
БИТВА С НОВГОРОДЦАМИ

Не упали в пыль снопы соломы,
Не сцепились пьяные косцы —
Звякнули секиры о шеломы,
И упали первые бойцы.

Свей — храбрец. И новгородцу тоже
Храбрости не надо прикупать.
Громоздят убитых, и похоже,
Будто стелют на болоте гать.

С самого рассвета сеча длится,
И от непомерного труда
Пот струится, почернели лица...
Тяжела кровавая страда!

Свей клыки оскалил злобным волком.
Русский — как рассерженный медведь.
Воронье слетелось тихомолком —
Скоро пир, недолго уж говеть...

Всё сильнее натиск новгородца,
Он и не устал, и не остыл.
А пришелец, хоть и не сдаётся,
Всё же бьётся из последних сил...

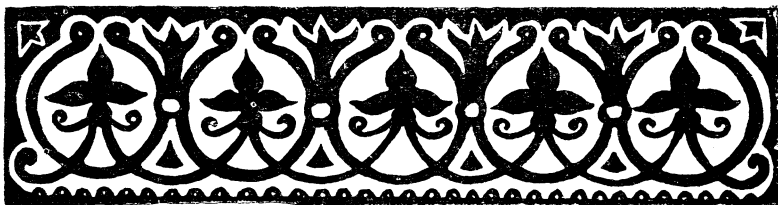
Упредив развязку, ночь настала.
Тихо. Всё, что живо, спать легло.
Кажется, сама земля устала
И во сне вздыхает тяжело.

Не заботясь о заблудшем брате —
Слава богу, спит заблудший брат! —
Сам король и с ним остатки рати
В темноте к ладьям своим спешат.

Торопитесь, swei, торопитесь:
Ночь весною очень коротка!
Магнус, не стыдись, ты храбрый витязь,
Знают все — страшна твоя рука!

Но поторопись! Иначе вдовам
Кто же и поведает о том,
Как мужья их здесь, в краю суровом,
Доблестно дрались с еретиком?

БУРЯ НА ЛАДОГЕ

Снова плещут ладожские волны,
Волховское устье позади.
Воины угрюмы и безмолвны —
Дума камнем залегла в груди.

День с утра безоблачен и светел,
Дует лёгкий ветерок в корму.
Но ни солнце, ни попутный ветер
В этот день не в радость никому.

А к полудню солнышко затмилось,
Холодом сырым дохнула мгла.
Оказалось, и природы милость
Слишком ненадёжною была.

Потемнело. Ветер дунул резче,
И барашков белые стада
Побрели по озеру зловеще,
Чёрной стала синяя вода.

На одной ладье сломалась рея,
Мачту на другой ладье снесло.
Паруса спустили поскорее,
Каждый воин взялся за весло.

Ветер взвыл, рванул с такою силой,
Словно он добычу ждал давно.
Чьи-то вопли буря заглушила,
И одна ладья пошла на дно.

А за ней — другая. То и дело
Слышен треск столкнувшихся ладей.
Страшным гневом озеро вскипело,
Топит обезумевших людей.

Водяному Ладоги не ново
Принимать утопшие тела,
Но в тот день в дружину Водяного
Прибыль небывалая пришла.

МОНАСТЫРЬ НА ВАЛААМОВОМ ОСТРОВЕ

Утром с сетью вышли два монаха
Промышлять для братии своей
И на берегу, дрожа от страха,
Увидали тело средь камней.

Шли за рыбой, а нашли неожиданно
Свеев и мурманов короля.
Трое суток после урагана
Плыл он на обломке корабля.

И теперь лежит он, оглушённый,
На песке, от дома вдалеке,
В багрянице, мехом опушённой,
С золотым распятием в руке.

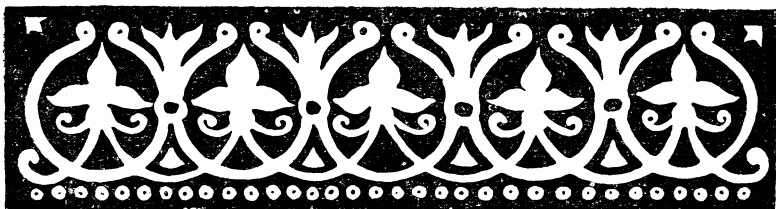
Он очнулся в монастырской келье.
Слышен сонный звон колоколов.
Сумеречно в келье, как в ущелье,
Но светлы улыбки чернецов.

Нету больше воинского пыла,
Нету даже радости, что жив...
И поведал Магнус всё, как было,
Ничего в душе не утаив.

Тихая, пустынная обитель...
Неспроста заброшен он сюда —
Станет здесь властитель и воитель
Инокем смиренным навсегда.

Он нарёкся именем Григорий,
Был он самым кротким чернецом,
Но мирские радости и горе
Вспомнились ему перед концом.

И оставил он рукописание
Детям, внукам, правнукам своим
И иным владыкам в назидање —
Тем, кто бранной жаждою томим.

«Я давно живу, в безвестность канув.
Спит гордыня в ладожских волнах.
Не властитель сеев и мурманов
Это пишет, а простой монах.

Мессер Биргер лишь наполовину
На ладьях своих прошёл Неву.
Александра Невского дружины
У Ижоры встретились ему.

Сызмала конец его нам ведом,
Век минул, а помним и поднесь.
Дерзостно пошёл за ним я следом,
Чтобы навсегда остаться здесь.

Прежде чем земля мой прах укроет,
Я хотел бы всем сказать о том,
Что на Русь с мечом ходить не стоит,
Чтобы не раскаяться потом...»

Плыл над Валаамом погребальный,
Плыл прощальный колокольный звон.
С Магнусовой мудростью печальной
Словно тихо соглашался он.

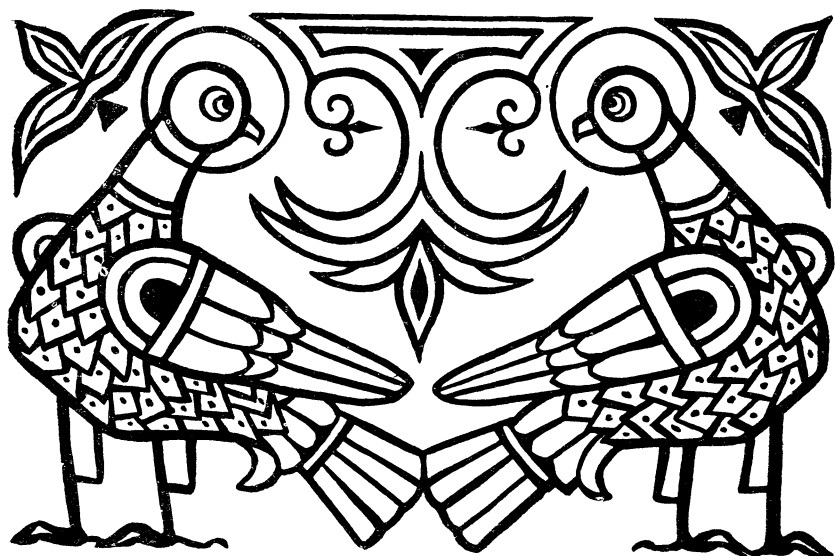
Волны шумно в валунах плескались,
Ветер песню вечности гудел,
И, угрюмо скалами оскалась,
Нелюдимый берег вдаль глядел.

X ВЕК

БЕЛГОРОДСКИЕ
КОЛОДЦЫ

...И был в городе голод сильный, и не мог Владимир помочь, так как не было у него воинов, а печенегов было много множество.

Повесть временных лет

прозрачном Ирпёне дрожит
Стены крепостной отраженье.
Тут Белгород Русь сторожит
От злого степного вторженья.

Отсюда, с обрыва, видать,
Не движется ль рать кочевая.
Сверкает ирпеньская гладь,
Туманится ширь полевая.

Руси угрожая бедой,
Скрипят кочевые телеги...
Орда за ордой,
Орда за ордой
Идут из степей печенеги...

Волна за волной,
Волна за волной
Текут, словно воды морские.
Война за войной,
Война за войной
Смывают гнездовья людские.

Оставив свой княжеский стол
И Киев родной без призора,
Владимир на север ушёл,
Чтоб войско собрать для отпора.

Покуда на севере князь,
На Белгород гости степные
Напали, с налёту стремясь
Ворота разбить крепостные.

Но в городе ждали гостей
И встретили перед стенами...
Звон стали, хрустенье костей,
Воинственный клич и стенанье...

Негоже лежать на печи,
Негоже томиться без дела,
Когда громыхают мечи
И свишут калёные стрелы!

И старец седой, как туман,
В седло боевое садится
И мчится разить басурман,
Согнувшись, как хищная птица.

У стен крепостных вся семья
Радеет о жизни и чести.
Там бьются его сыновья,
И внуки, и правнуки вместе.

С одним лишь мечом он спешит...
Всё дома, на лавке, осталось —
И шлем, и кольчуга, и щит...
Ах, если б осталась там старость!..

Некрепко сидит он в седле,
А конь это чует, проклятый!..
Прыжок — и седок на земле,
Стыдом и бессильем объятый.

Лежит, как колода, в пыли,
И даже не чувствует боли,
И мнится ему, что вдали
Чернеет от всадников поле.

Недвижного старца домой
Несут, как покойника, трое.
Глядит он на небо с тоской
И слушает отзвуки боя...

Отбившись с великим трудом,
Укрылись в стенах горожане.
Кишат печенегі кругом,
Костры загорелись в их стане.

Там режут на ужин коней:
Вся сила — в печёной конине!
Скуластые дети степей
Недолго бывают в унынье.

Не вышло с налёту — ну что ж! —
Измором возьмут они город!
Где тупится сабля и нож,
Там справятся время и голод!

В несчастье кончается день.
В несчастье рождается новый.
Упала на Белгород тень —
Удел ему выпал суровый.

Не то что промыслить еды —
Коня не напоишь в Ирпене!
В годину великой беды
Одно им осталось — терпенье.

Как вымерший, город затих.
Младенцы молчат в колыбели.
Печальные личики их
От голода поглубели.

В осаде проходит сто дней.
Владимир, как видно, далече.
А ждать всё трудней,
А голод сильнее...
И вот собирается вече.

Гудит белгородский народ:
— Владимира нам не дожидаться,
А смерть возле каждых ворот...
Пожалуй, что лучше нам сдаться...

Но слышатся крики кругом:
— Вы разумом, верно, ослабли!..
От голода лучше умрём,
Чем лечь под поганые сабли!..

И тут же в ответ им кричат:
— Не всех перебьют, может статься!
Авось пощадят хоть ребят...
Нет, лучше нам всё-таки сдаться!..

В прозрачном Ирпене дрожит
Стены крепостной отраженье.
А старец на печке лежит,
Лежит с того дня без движенья.

Сегодня он, видно, умрёт.
Ему ничего уж не надо,
Но страшно ему, что народ
Не вынесет этой осады.

Томительно тянутся дни,
А люди сгорают, как свечи...
И вот он узнал от родни,
Что сдаться решили на вече.

— Не выдержать долее нам,
А князя дождёмся едва ли... —
Но старец седой сыновьям
Велит, чтоб старейшин созвали.

Приходят старейшины в дом.
На лицах — тяжёлая дума.
Поклон отдают и кругом
На лавки садятся угрюмо.

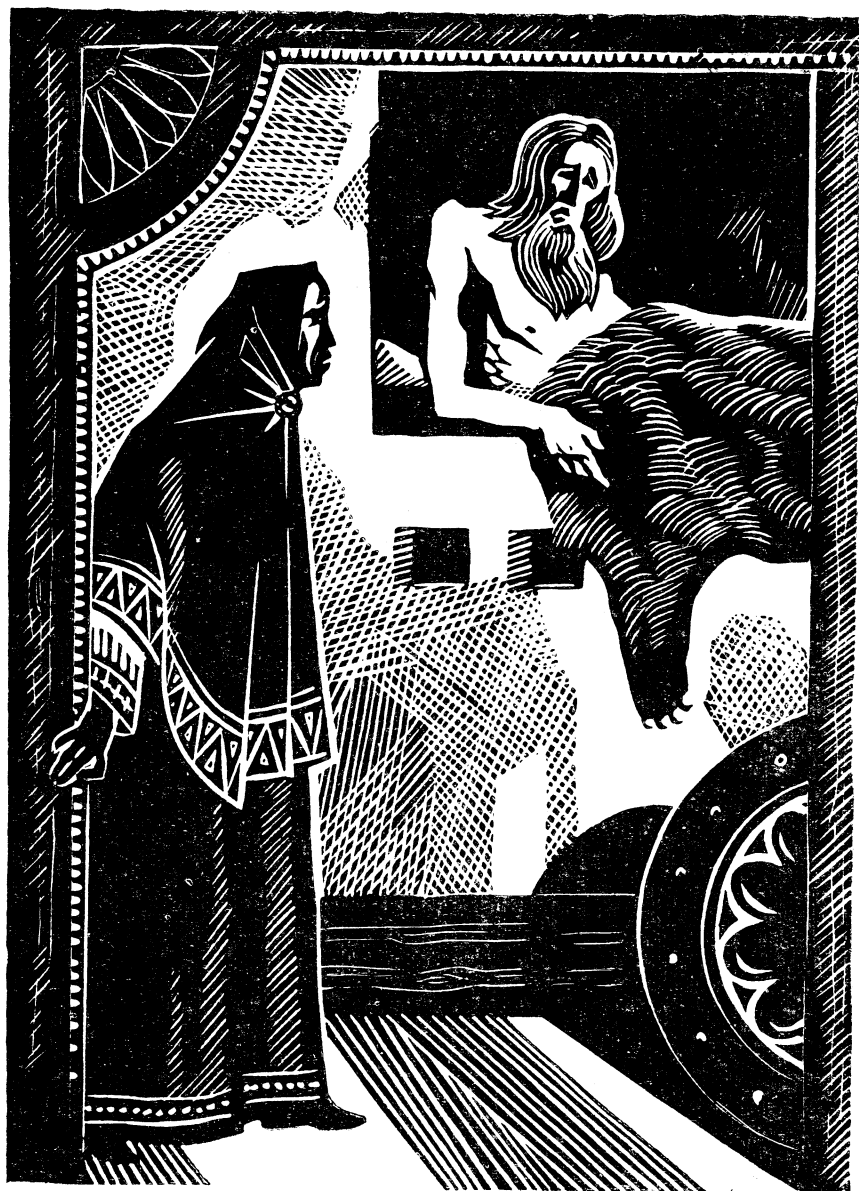
— Послушайте, братья, меня...
Я давеча слышал о сдаче...
Но если потерпим три дня,
То, может быть, выйдет иначе.

Пошлите собрать от людей
По маленькой горстке пшеницы...
Овса... Ячменя... Отрубей...
Нам всё, что найдётся, сгодится...

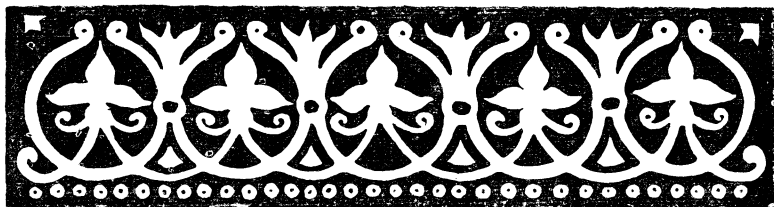
Для нашего дела любой
В сусеке отыщет немножко...
И мёду в медуше княжой,
Я чаю, найдётся лукошко...

С трудом языком шевеля
И тихо вздыхая от боли,
Велит он сварить киселя,
А также сыты, да поболе...

Две добрые кади потом,
Как варево будет готово,
Наполнить велит киселём
И сладкой сытою медовой.

Велит эти кади затем
В глубоких колодцах поставить.
А после, покончив со всем,
Гонца к печенегам отправить.

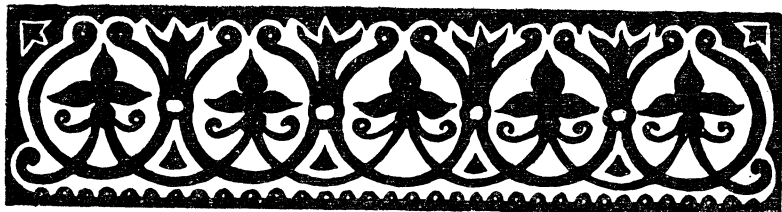
Пускай их придут, поглядят,
Послушают доброе слово,
А после попьют, поедят
Той пищи из чрева земного.

От русских явился гонец!
Наверное, просят пощады!
Сдаются! Осаде конец!
Уж то-то поганые рады!

Знать, голод и вправду острей,
Чем нож или сабля кривая!
Не зря они ждали сто дней —
Ждала их добыча большая!

Им Белгород сдаться готов —
Сто дней он сполна им оплатит!
Как жалко, что русских голов
На каждую саблю не хватит!

Ликуют степные князья,
Пируют, коней пожирают.
И городу взором грозя,
Посольство туда снаряжают.

И вот уже десять мужей,
Покрепче умом, чем иные,
И видом всех прочих дюжей,
В ворота идут крепостные.

И то же число горожан —
Заложники от белгородцев —
Уходят во вражеский стан,
Как исстари всюду ведётся.

Глядят печенегі кругом —
На чуждую жизнь городскую,
На храм с золочёным крестом,
На улицы, на мостовую...

Глядят на ирпеньскую гладь,
На поле от края до края...
Не худо бы им погулять,
Костры из домов зажигаая!

И ждут, нетерпением горя:
Когда ж им объявят о сдаче?
Но слышат: — Вы маетесь зря,
Вам здесь не дожидаться удачи!

Вы встали в осаду давно,
Сто дней вы уже потеряли,
Но нас вам не взять всё равно,
Хотя бы сто лет вы стояли.

Нас кормит родная земля!
Глядите! — И тут белгородцы
У них на глазах киселя
Достали себе из колодца.

К другому колодцу пошли,
Сыты зачерпнули оттуда.
Еда из утробы земли —
Кто видел подобное чудо?

По-своему гости галдят,
На пищу глядят обалдело.
А русские пьют и едят.
Им чудо — привычное дело!

Посланцев сытой с киселём
Хозяева потчуют щедро.
Им голод не страшен — о том
Земные заботятся недра.

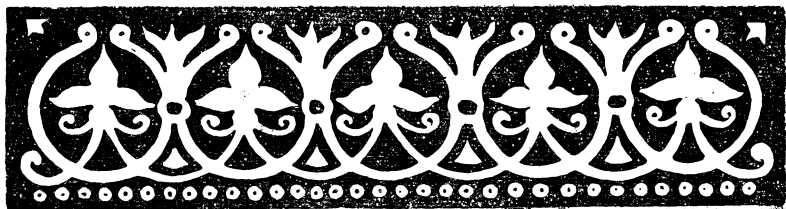

Нет, взять этих русских нельзя:
Поди повоюй с чудесами!
Да вот — не поверят князья,
Пока не отведают сами.

И налили им киселя
С медовой сытою в корчаги.
Смятеньем народ веселя,
Пошли восвояси бедняги.

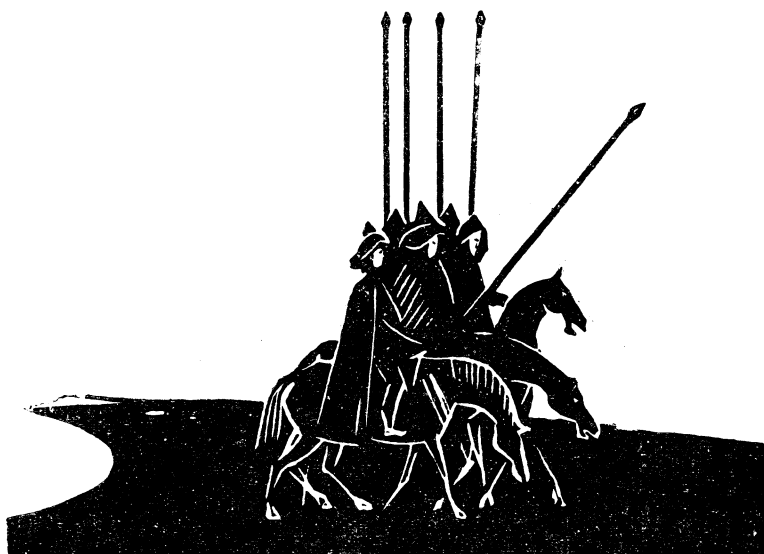
И всё рассказали, как есть,
Когда пред князьями явились.
И стали князья пить и есть
И тоже немало дивились.

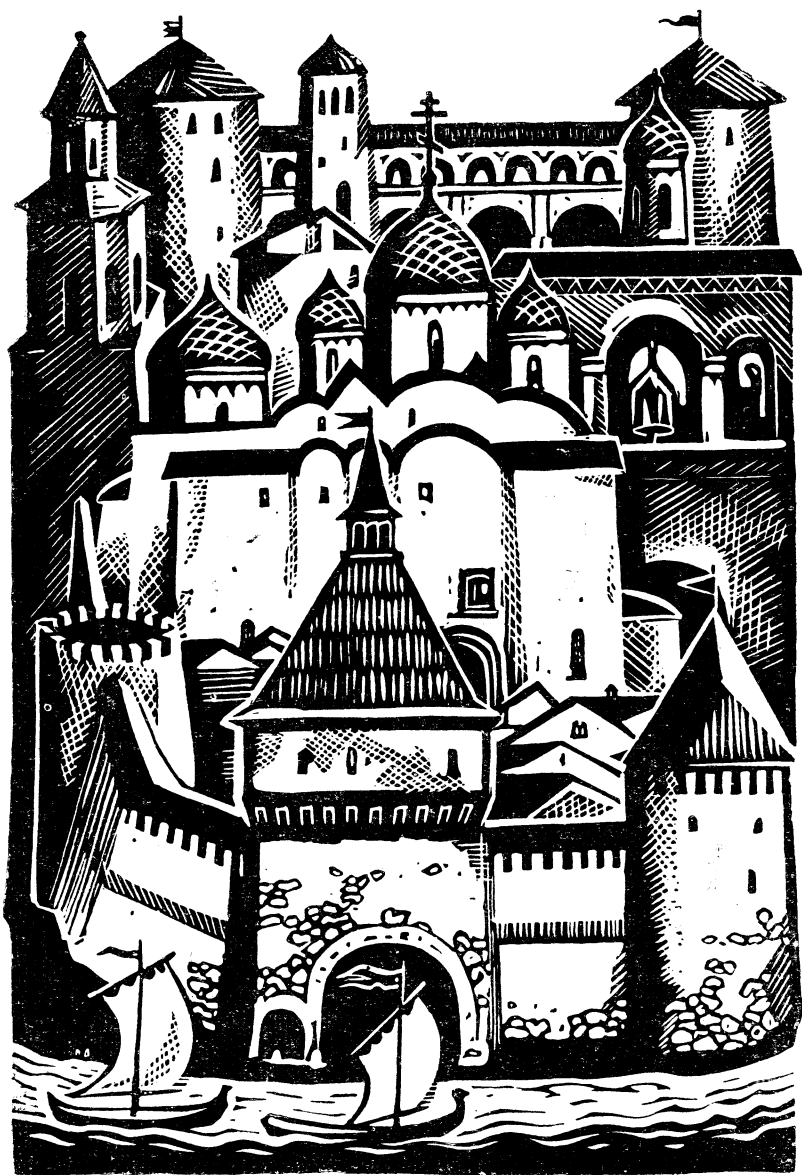

Кочевники грузят шатры,
И жён, и котлы на телеги,
А также шелка и ковры,
И всё, что дают им набег.

Сверкает ирпеньская гладь,
Туманится ширь полевая,
Скрывается хищная рать,
В туманную даль убегая.

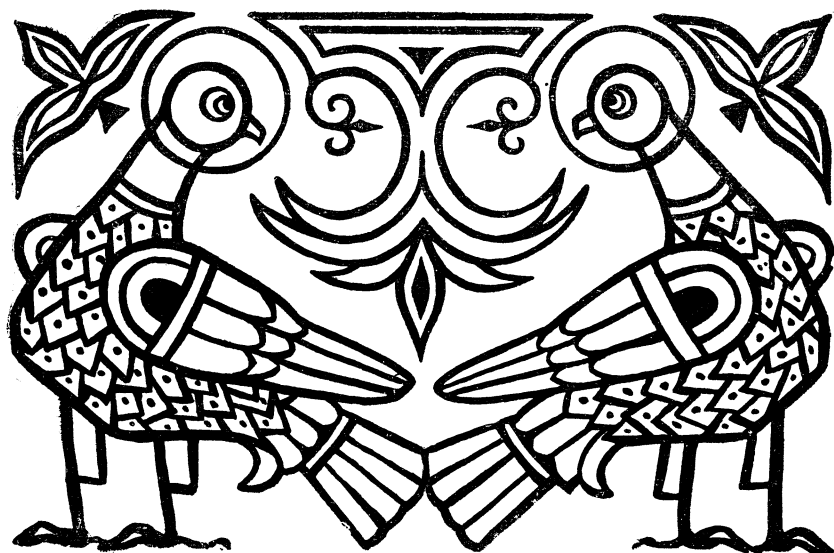

XV ВЕК

НОВГОРОДСКИЙ КОЛОКОЛ

ВАЛДАЙСКАЯ ЛЕГЕНДА

Эти воспоминания о независимости и о народном правлении остались в народе Новгорода и стали достоянием всей Руси.

Кюхельбекер

ежит сквозь чашу по холмам
Заснувшего Валдая
То вверх, то вниз, как по волнам,
Дорога голубая.

Ночная синь. Луна и стынь.
Пустынно. Сиротливо.
И только тройка — динь-динь-динь! —
Трусит неторопливо.

Ямщик в тулупе, а барчук
Укрыт медвежьей шкурой.
Дремучий бор плывёт вокруг,
Таинственный и хмурый.

И проплывает где-то там
Медведь в своей берлоге.
И проплывает белый храм
Поодаль от дороги.

Мелькают огоньки лампад
И пропадают где-то...
А вот село плывёт назад
С оконцами без света.

Плывут колодцы с журавлём,
Плывёт трактир убогий.
И снова лес плывёт, а в нём —
Медведи и берлоги...

И лишь луна плывёт вперёд
По синему простору,
Пошибче под гору плывёт,
Помедленнее — в гору...

А колоколец под дугой
Звенит, звенит, тревожный!
Звенит — и гонит прочь покой
И зыбкий сон дорожный.

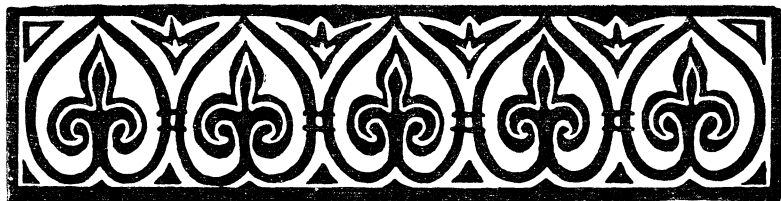
Звенит — и гонит прочь покой
В заснеженное поле.
Звенит — и сердце жжёт тоской,
Тоской по вольной воле...

Барчук спросил: — О чём звенит
Твой колокольчик медный?
Мне кажется, что он навзрыд
Вот-вот заплачет, бедный...

Ямщик сказал: — О чём? Бог весть!..
Видать, своя забота.
Про то у нас преданье есть —
Послушай, коль охота...

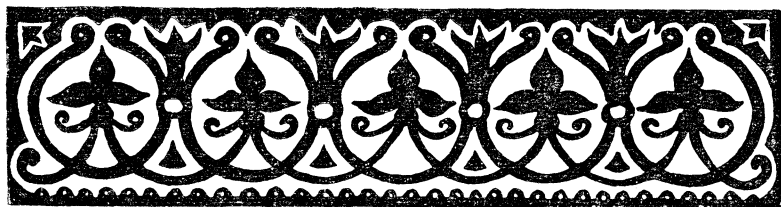
I

У ж не знаю, как по-вашему,
По-учёному, по-книжному...
Может, вся моя бывальщина
Небылицею покажется,
Как мы грамоте не учёны
И, конечно, люди тёмные...
Что самим от дедов-прадедов
Приходилось слышать сызмала,
То расскажем внукам-правнукам...
И живёт она, не старится,
Эта самая бывальщина...

С той поры немало времени
Пролетело-миновалось.
На Москве сидел великий князь,
Государь Иван Васильевич,
Дед царя Ивана Грозного.

А имел он руки длинные —
Города и земли русские
Всё, как есть, к своим рукам прибрал
И повсюду, в каждом городе,
Посадил своих наместников.

Только жил своею волею
Лишь один на всей Руси святой
Господин Великий Новгород.

Был обычай в древнем городе:
Если вдруг приспееет надоба
Выбрать, скажем, князя нового,
Выгнать, скажем, князя старого,
Если страшное несчастье
Разразится над селеньями,
Если надо воевать начать
Или, скажем, мир подписывать, —
Тут на вече всенародное
Собирается весь Новгород,
На великом этом сбирище
Сообща дела решаются.

Созывал на вече жителей
Вечевой священный колокол.
Новгородцы уж не помнили,
Кто воздвиг его на звонницу,
С коих пор он медным голосом
Прославляет волю вольную,
Возвещает всем, что Новгород
Дани отроду не плачивал,
Только знали от младенчества,
Что дороже отца-матери
Новгороду этот колокол.

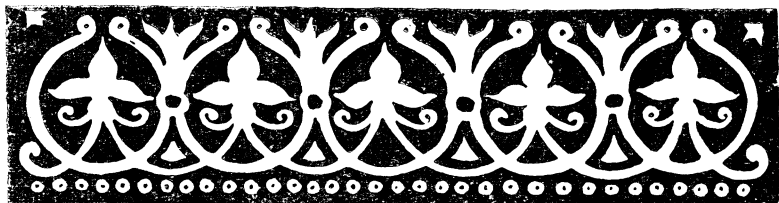

II

Как-то раз Иван Васильевич,
Сидя дома, в белокаменной,
Думал думу не пустяшную.
А подумав, слово вымолвил
Пред князьями да боярами,
Что крамола в царстве-княжестве,
А ему обида жгучая,
То что волен древний Новгород...

Порешил Иван Васильевич
Покорить крамольных жителей,
И собрал он рать великую
И пошёл на вольный Новгород.

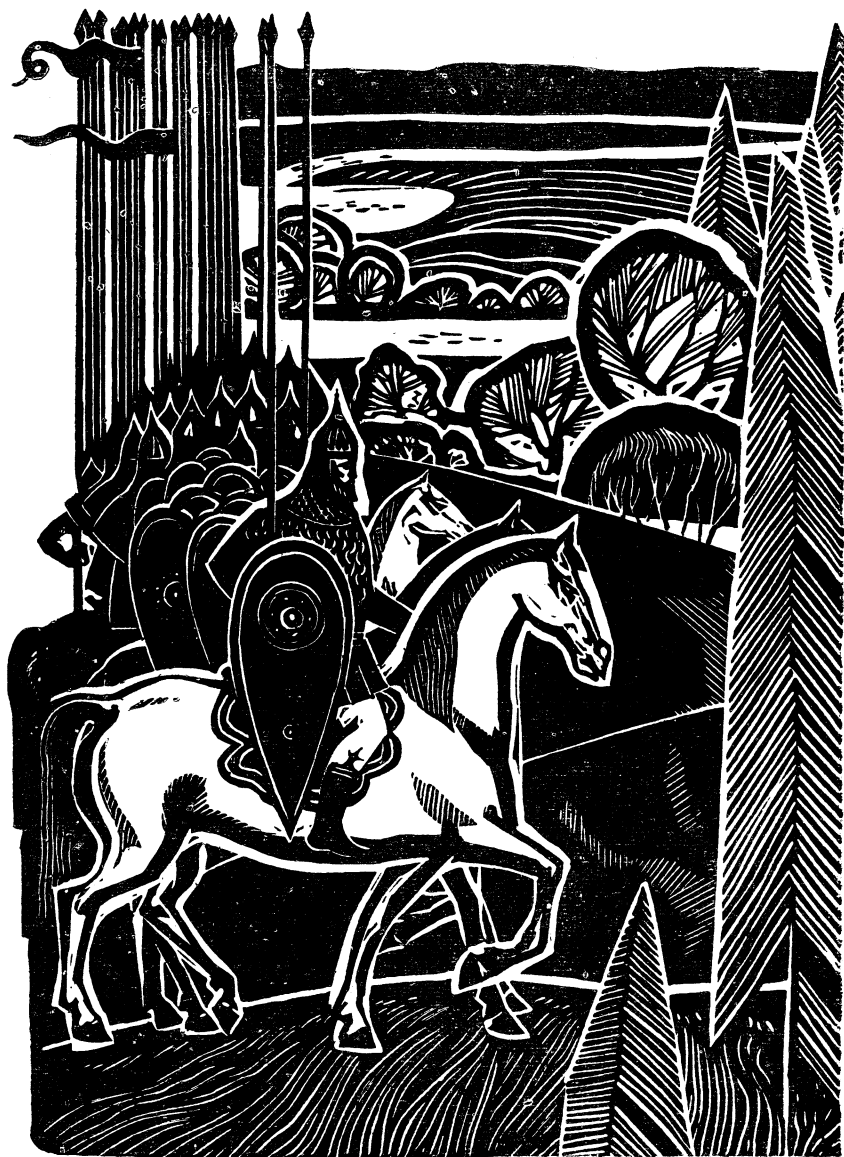
После люди придорожные
Долго охали да ахали,
Вспоминая рать московскую.
На крылечко выйдешь поутру --
Мимо с пушками, с пищальями
Да с хоругвями военными
По грязи осенней тянутся
Вереницей люди ратные.

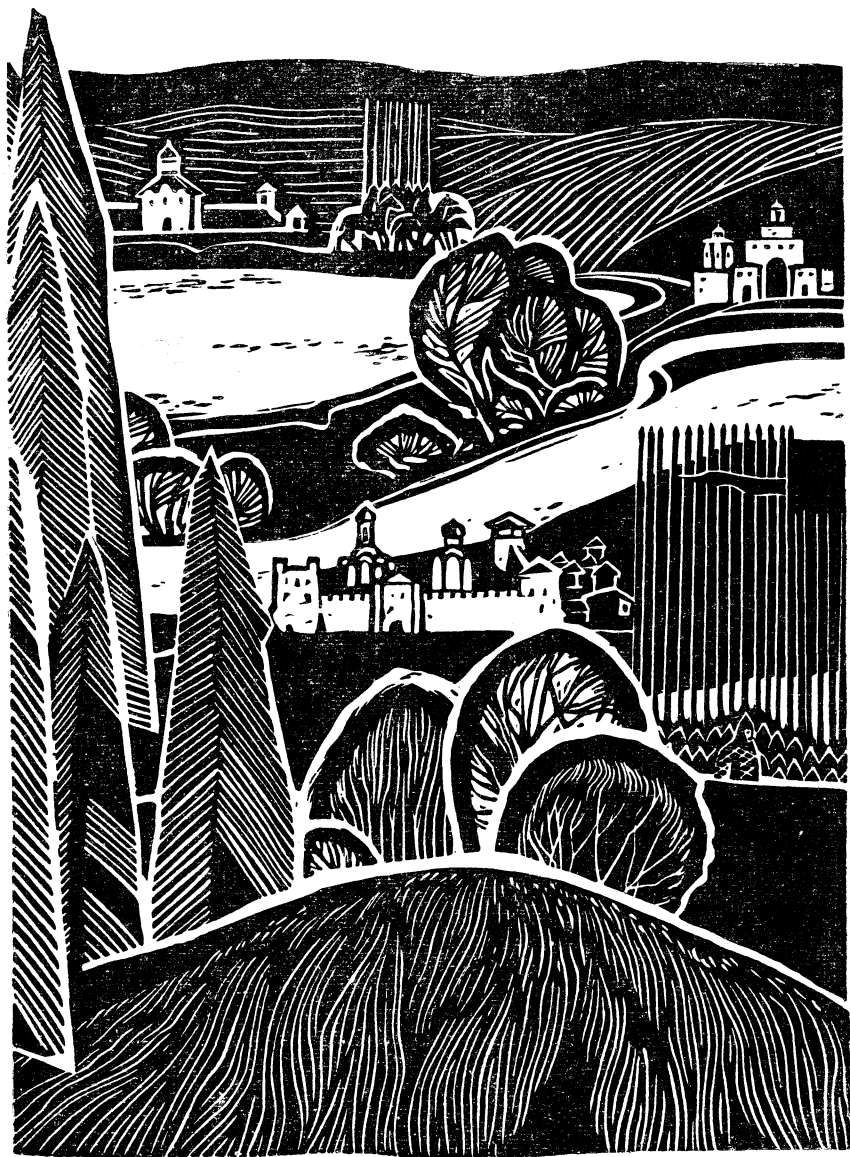

Поглядишь назад — конца им нет,
Поглядишь вперёд — начала нет.
Вечеру с дровами из лесу
Выезжаешь — та же рать идёт,
Та же рать и в ту же сторону.
Поглядишь в окошко поутру —
Снова пешие да конные
Месят, месят грязь осеннюю
Вереницей нескончаемой.

Окружила рать московская,
Охватила славный Новгород,
Словно петля душегубная
Шею к смерти присуждённого.
Туже, туже петля страшная,
Ближе гибель неминуемая.
И не выдержали жители,
И на милость государеву
Отдались они, сердешные.

III

Повелел Иван Васильевич,
Князь Московский и вся Руси,
Снять священный древний колокол
И отправить в стольный град Москву.

Как снимать его явились,
Сам собою зазвонил он вдруг
Звоном отроду неслышанным.
То не звон был, а рыдание,
Завещание последнее:
Помни, мол, о древней вольности,
Господин Великий Новгород!..

Вырывали тут язык ему,
Самого на сани ставили
И везли, немного, пленного,
Навсегда в чужую сторону...

Безутешно плакал Новгород,
Провожая в путь свой колокол...
И одна осталась звонница,
Как вдова без мужа милого...

Пусто, глухо стало в городе —
Не услышишь слова громкого.
Ветер в трубах воет жалобно,
Как собака по покойнику.

IV

Только колоколу гордому
Крепко, видно, не хотелось
В плен московский на позорище.
По холмам валдайским едучи,
Выбрал пленник ночь метельную,
Соскользнул с саней украдкою,
Покатился вниз по горочке,
Покатился — да и был таков!
Но, как тать в ночи, под горочкой
Поджидал его обрыв крутой,
Неприметный из-за кустиков.
Полетел с обрыва кубарем,
О валун внизу ударился
И на тысячу осколочков
Раскололся вольный колокол.
Всполошились люди княжии,
Все леса-поля обшарили,
Но беглец пропал — как не было...
А случилось чудо чудное,
Приключилось диво дивное:

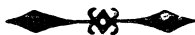
Не погиб священный колокол —
Все его осколки звонкие
Превратились в знаменитые
Колокольчики валдайские.
Говорят, они когда-нибудь
Вновь сольются в вольный колокол,
И над Новгородом сызнова
Поплывёт его свободный звон.

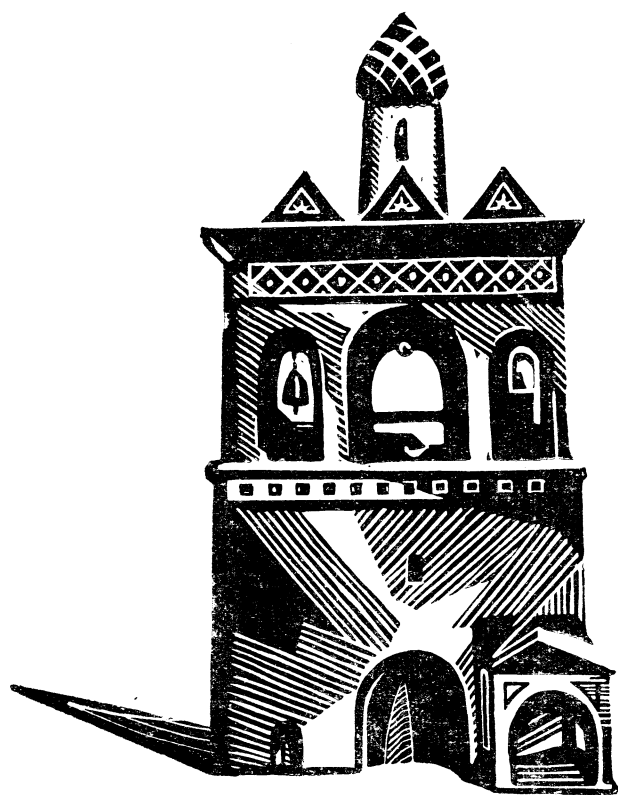
А до той поры звенеть ему
Колокольцами валдайскими,
Горевать о вольной волюшке
И тревожить сердце русское...

Бежит дорога по холмам —
Волнам окаменелым.
Опять навстречу божий храм
Встаёт виденьем белым.
С горы в долину смотрит храм —
Туда, где чёрный ельник.
Барчук гадает: может, там
Разбился гордый пленник...
Вдоль спящих сёл, глухих лесов,
Завьюженных околиц
Плывёт, как беспокойный зов,
Валдайский колоколец.
Вот отчего он знаменит,
Ямщицкий «дар Валдая»!
Вот отчего он так звенит,
Забывшись не давая!
Звенит — и гонит прочь покой
В заснеженное поле,
Звенит — и сердце жжёт тоской,
Тоской по вольной воле...

ОБЪЯСНЕНИЕ МАЛОИЗВЕСТНЫХ СЛОВ И ПОНЯТИЙ

Багрянѣца — пурпурно-красный плащ, наряд царей и королей.

Басурмѣне. — Так называли на Руси кочевые степные (позже мусульманские) народы.

Бѣлгород — древнерусский город на правом берегу реки Ирпень (теперь село Белгородка, в 20 километрах от Киева). Белгород был важным передовым укреплением на подступах к Киеву.

Белокаменная. — Так называют Москву с XIV века, когда кремлёвские стены были построены из белого камня. Название это сохранилось и после того, как в конце XV века были возведены новые кирпичные стены, сохранившиеся до нашего времени.

Бывальщина — рассказ о действительном происшествии.

Вала́ймов остров. — Находится на Ладожском озере. На берегу этого острова не позднее начала XIV века (точная дата неизвестна) новгородцы построили монастырь-крепость.

Валдѣй — Валдайская возвышенность на северо-западе русской равнины.

Владимир — Владимир Святославич, киевский князь, правивший с 978 по 1015 год. При нём произошло значительное укрепление древнерусского государства и крещение Руси.

Господин Великий Новгород. — Так гордо в летописях, документах и сказаниях новгородцы называли свой город.

Государь Иван Васильевич — Иван III, великий князь Московский, правивший с 1462 по 1505 год. В его правление завершилось объединение вокруг Москвы русских земель, в том числе и новгородской в 1478 году.

Еретики — несогласные в чём-либо с церковью (в данном случае — с католической).

Крестовые походы. — Так назывались завоевательные войны, которые вели западноевропейские рыцари сначала на Ближнем Востоке, а затем со славянами и прибалтийскими народами. Участники этих походов носили на своих плащах изображение креста.

Латинство — римско-католическая религия, богослужение которой ведётся на латинском языке.

Магнус Эриксон — король Швеции (1319—1363) и Норвегии (1319—1343). В 1348 году он совершил поход на русские земли и потерпел здесь поражение. Это событие явилось поводом для возникновения легенды, послужившей сюжетной основой баллады. Легенда дошла до нас в нескольких летописях.

Медúша — погреб, где хранился мёд.

Мёссер Бúргер — шведский герцог, предпринявший в 1240 году поход на Новгород. Завоеватели были разгромлены на реке Неве русскими войсками, во главе которых стоял новгородский князь Александр Ярославич Невский.

Новгород — Новгород Великий, один из крупнейших городов Древней Руси. Расположен он по берегам реки Волхов, впадающей в Ладогу (Ладожское озеро). Новгород Великий был центром Новгородской земли — огромной терри-

тории на севере Руси. Город был украшен многочисленными каменными храмами, многие из которых сохранились до нашего времени.

Параскёвы храм — один из самых выдающихся памятников новгородского зодчества. Построен в XIII веке на Торговой площади, так как Параскева считалась покровительницей торговли.

Печенёги — кочевой народ, живший в X—XI веках в степях между Дунаем и Доном. Печенеги часто совершали набеги на Русь.

Рать -- войско.

Римский папа — глава католической церкви, постоянно стремившийся к церковному владычеству над всем христианским миром, в том числе и над русскими землями. Римский папа всячески поддерживал завоевательскую политику немецких рыцарей-крестоносцев в Прибалтике и на Руси.

Свёи и мурмáне — шведы и норвежцы.

Сыта́ — напиток: медовый отвар на воде.

Хорúгвь — знамя.

Ярославово двори́ще — великокняжеский двор в Новгороде, возникший в XI веке при князе Ярославe Мудром. На этом дворе была звонница, на которой висел вечевой колокол. Перестроенная в XVII веке, эта звонница дошла до нашего времени.

Кандидат исторических наук
А. Рогов

СОДЕРЖАНИЕ

МАГНУС ЭРИКСОН, КОРОЛЬ СВЕЕВ И МУРМАНОВ	5
БЕЛГОРОДСКИЕ КОЛОДЦЫ	25
НОВГОРОДСКИЙ КОЛОКОЛ	43

Д Л Я М Л А Д Ш Е Г О В О З Р А С Т А

Юрий Петрович Бронский

БЕЛГОРОДСКИЕ КОЛОДЦЫ

Ответственный редактор *Т. П. Николаева*. Художественный редактор *Б. А. Дехтерёв*. Технический редактор *Т. Д. Юрханова*. Корректор *Н. А. Сафронова*. Сдано в набор 11/VI 1973 г. Подписано к печати 15/X 1973 г. Формат 60×84^{1/16}. Бум. типогр. № 1. Печ. л. 4. Усл. печ. л. 3,72. Уч.-изд. л. 2,84. Тираж 150 000 экз. Заказ № 882. Цена 17 коп.

Ордена Трудового Красного Знамени издательство «Детская литература». Москва, Центр, М. Черкасский пер., 1.

Ордена Трудового Красного Знамени фабрика «Детская книга» № 1 Росглавполиграфпрома Государственного комитета Совета Министров РСФСР по делам издательства, полиграфии и книжной торговли. Москва, Сущевский вал, 49.

К Ч И Т А Т Е Л Я М

*Отзывы об этой книге
издательство просит посылать по адресу:
Москва, А-47, ул. Горького, 43.
Дом детской книги.*

Вронский Ю. П.

В82 Балгородские колодцы. Исторические баллады.
Рис. А. Шмаринова. М., «Дет. лит.», 1973.

63 с. с ил.

Баллады о событиях, происходивших на Новгородской земле в середине XIV века, о крестовом походе шведского короля Магнуса в Новгород, о мужестве и героизме русского народа, отстоявшего свою землю в борьбе с иноземными захватчиками.

Цена 17 коп.

